

ПЕРСОНА

— Раньше, в советское время, вы работали на радио в программе "Доброе утро". Кажется, это была самая веселая радиопрограмма тогда?

— Я там работала спецкорреспондентом, а начинала младшим редактором. Закончила комментатором. Я очень любила делать репортажи. Мне нравилась веселая журналистика. Помню, мы дали объявление в "Вечерку" — "Продается тигр". Дали телефон, я сидела в редакции, мне звонили люди. Я им задавала специально смешные вопросы и все это записывала.

— Это был розыгрыш?

— Конечно, мы же тигра не продавали. Еще помню, был интересный репортаж из роддома. Я сидела в окошечке, там, где справки дают, а рядом у меня был магнитофон. Приходили папы, спрашивали, я им отвечала, а потом все это выдавала по радио. Из ЗАГСа был такой же репортаж, там, где имена детей регистрируют. А еще из библиотеки утерянных вещей. В общем, пытаясь найти смешное в обыденном.

— Да и вообще наша жизнь — смешная штука. Хотя есть мнение, что те, кто занимается юмором профессионально, в жизни сплошь мизантропы.

— По-разному бывает. Действительно, есть юмористы, которые в жизни очень хмурые, неразговорчивые, неулыбчивые. Но вот Володя Винокур, например, и в жизни юморист.

— А вы?

— Я не могу сказать, что 24 часа в сутки смеюсь.

— А хотелось бы?

— Смеяться 24 часа в сутки — это только для больных. Я еще не считаю себя больной.

— А вот на ТВ покажи людям пальчик — они и засмеются?

— Все зависит от того, кто этот пальчик покажет. Работа комедийного актера очень труда. Комик — это штучный товар. Да их и всегда было мало на эстраде, и, может быть, больше не надо. Поэтому все нынешние разговоры о том, что раньше эстрада была интереснее, веселее, — от лукавого.

— Ну а люди вообще смешны?

— Так быть смешным — это прекрасно, многие мечтают быть смешными. У большинства не получается. Это особый талант.

— Смех — дело серьезное?

— Суперсерьезное. И требует очень много времени, сил и физической подготовки. Упорства, характера.

— Значит, если зал не смеется, нужно терпеть и заставить его смеяться?

— Надо заставить себя работать так, чтобы зал смеялся. Да и как вообще начинающий артист может выйти на сцену целого зала? Кто ему это зал предоставит? Этого же надо добиться — работать, работать и работать.

— То есть выходит, что смех — это товар, который можно выгодно продать зрителю, и если они его купят, то ты будешь богат и в полном шоколаде?

— Я не люблю, когда эстрадные представления называют товаром. Как только их начинаешь делать как товар, то обычно эта "продукция" сразу залижается на полках.

— "Аншлаг" — это творчество?

— Я считаю, что то, чем я занимаюсь, для меня творчество. Если бы это для меня было скучной работой, то я бы давно ее послала на три буквы. Я думаю, и передача столько лет существует, потому что мне она нравится.

— Выходит, вы прекрасно понимаете народ и его юмор, а тех, кто плюется при слове "Аншлаг", нужно отправить на свалку истории?

— Ну зачем же так, пусть они плюются, но ведь смотрят. Главное, чтобы смотрели, а ругаются, не ругаются... Вот мне если что не нравится, я никогда не смотрю. А те, кто плюется, меня мало волнуют, потому что знаю, передачу смотрят почти все.

— Регина, откуда у вас такое прекрасное чувство юмора?

— Почему прекрасное? Это не чувство юмо-

ра, это совсем другое. Вывод здесь один — либо обижаться, огорчаться и плакать, либо работать. Хоть бывает и конструктивная критика, и надо быть идиотом, чтобы ее не учить. Ну а если говорят: "пошли, непрофессионально, только для клуба", — так пусть придут и сделают так для клуба. То, что у нас профессиональная передача и у меня работают только профессионалы, — это сто процентов.

— А откуда вы знаете то, что сегодня для народа должно быть смешным?

— Те, кто нас критикует, слишком далеки от народа. А я слишком близка к народу. Я от него и не отрывалась никогда.

— Вы и есть народ?

— Я считаю, что да. Я и народ — одно и то же.

Регина
ДУБОВИЦКАЯ:
"Я слишком
близка
к народу"

ра, это совсем другое. Вывод здесь один — либо обижаться, огорчаться и плакать, либо работать. Хоть бывает и конструктивная критика, и надо быть идиотом, чтобы ее не учить. Ну а если говорят: "пошли, непрофессионально, только для клуба", — так пусть придут и сделают так для клуба. То, что у нас профессиональная передача и у меня работают только профессионалы, — это сто процентов.

— А откуда вы знаете то, что сегодня для народа должно быть смешным?

— Те, кто нас критикует, слишком далеки от народа. А я слишком близка к народу. Я от него и не отрывалась никогда.

— Вы и есть народ?

— Я считаю, что да. Я и народ — одно и то же.

— А "Аншлаг" — народная передача?

— Я не знаю, народная или не народная, но когда я в 96-м году в очередной раз приехала к Мише Евдокимову в Барнаул, то там первый раз увидела плакаты: "Аншлаг" — народная передача". Но сама-то я никогда не задумывалась: "Как бы для этого народа сделать передачу".

— Вы в компартии состояли?

— Да никогда в жизни. Я и в комсомол-то сначала вступила, а потом потеряла свой комсомольский билет. Конечно, очень боялась, но бог миловал. Меня даже на Гостелерадио взяли работать без комсомольского билета. Как — не понимаю.

— Вы, наверное, всех там покорили своим чувством юмора?

— Никого я не покоряла. Я очень хотела

— А "Аншлаг" — народная передача?

— Я не знаю, народная или не народная, но когда я в 96-м году в очередной раз приехала к Мише Евдокимову в Барнаул, то там первый раз увидела плакаты: "Аншлаг" — народная передача". Но сама-то я никогда не задумывалась: "Как бы для этого народа сделать передачу".

— Вы в компартии состояли?

— Да никогда в жизни. Я и в комсомол-то сначала вступила, а потом потеряла свой комсомольский билет. Конечно, очень боялась, но бог миловал. Меня даже на Гостелерадио взяли работать без комсомольского билета. Как — не понимаю.

— Вы, наверное, всех там покорили своим чувством юмора?

— Никого я не покоряла. Я очень хотела

— А вот те, которые в зале сидят и гы-
гы-ты, — это кто?

— Ну вот вы приедете и тоже так же будете хохотать в зале, как и все. Но только выдо, на-
хахотавшись, выйдет из зала и скажет: какая гадость. Я таких называю люмпен-пролетари-
атом, независимо от того, закончил ли он ин-
ститут, доктор наук или народный артист.

— Но вы же знаете, что самый про-
стой способ заставить людей засмеяться — это выйти на сцену и снять штаны.

— Ну вот вы выйдите на сцену и сними-
те штаны.

— Все заплачут.

— Надо уметь это сделать, уметь сыграть. Ведь сцена — это не нудист-
ский пляж. Ну кто на нудистском пляже смеется?

— А вы смеетесь, когда выступают
ваши артисты, или делаете вид?

— Я никогда не делаю вид, мне это совсем не нужно. Смеюсь, если нравится.

— А что вам лично нравится?

— Знаете, что мне нравится? Бунин. Я при-
хожу домой и, когда есть время или когда совсем хронено, открываю Бунина и читаю. А когда руга-
ют телевизор, я этого вообще не понимаю. Да выключите его, откройте книжку, и все. Когда кричат "дебилизация", я хочу сказать: ребята, моя развлекательная передача не призвана никого учить любить классику или хорошую музыку. Человек должен посмотреть "Аншлаг", улыбнуться, выключить и забыть. А учить — это задача уже не моя. Мы самая дистилированная передача на всем телевидении. Ее смело могут смотреть даже дети...

— Юмор затянул?

— Нет, не юмор. Там в редакции на Пятниц-
кой была столовая. Не знаю, может, всех тянуло на запах еды. Но тогда в редакционной комнате у нас собирались Горин, Арканов, Хайт, Захаров,

— Когда вы всем коллективом выезжаете на пленэр, плынете на пароходе, поете хором песни у костра, неужели вы все так любите друг друга? Что-то не верится.

— Но у нас же не так, как в театре. Там арти-
сты все время вместе, а у нас они по отдельно-
сти. И когда они собираются, то радуются друг
другу как дети. Им есть о чем поговорить. В по-
ездках создается такая прекрасная атмосфера!

— Ну а народ настолько в вас влюблен,
что может от счастья и благодарности
взять теплоход с артистами и понести его
на руках?

— Про теплоход не знаю, а однажды авто-
бус понесли. В Костроме было дело. Помню, я тогда объявила по местному телевидению, что мы будем выступать на центральной площади. Нас спасло, что мы заранее послали туда опе-
раторов. Они приехали и увидели огромное ко-
личество народа и тогда сообразили пойти на
рынок, купить веревки и привязали камеры к
столбам. Таким образом, камеры остались це-
лы. Когда мы приехали, то поняли, что проис-
ходит что-то непонятное. Вся эта площадь, ко-
торая называется "Сковородка", была битком. Я встала у микрофона, говорила, наверное, не
большие минуты. Потом сзади ко мне подошла Лена Степаненко (тогда она еще с нами высту-
пала) и на ухо говорит: "Надо уходить, смотри,
что делается". Я сразу не поняла, а потом по-
смотрела и увидела: люди посадили своих де-
тей по кругу, сзади налипали, и толпа стала на-
клоняться все больше и больше. Люди начали давить друг друга. Это был кошмар. Чтобы мы вышли, милиция сделала коридор. Но вот тут чувство юмора помогло. Мы шли цепочкой — первым Винокур, я за них, а по бокам милиция. Люди тянули у нас все, что можно оторвать. В тот момент мы почувствовали себя "битлами". Но когда мы подошли к автобусу, нас каким-то образом подвели не туда, где должны быть двери, а с обратной стороны. И вот Винокур оборачивается ко мне и говорит: "Девушка, по-
моему, я тебя вижу в последний раз". А когда мы все-таки зашли в этот автобус, его и подняли. Это было страшно. Но все обошлось благо-
лучно.

— А Петросян тогда среди них не был?

— Такое впечатление, что он был всегда.

— Конечно, он тогда уже на эстраде рабо-
тал. Но с ним я познакомилась гораздо позже.
Это было в Ленинграде на конкурсе артистов эс-
трады, жюри возглавлял Райкин, а Петросян был
его заместителем. Я же приехала туда как журна-
лист. Помню, как я тогда удивилась, когда узна-
ла, сколько Евгению Вагановичу лет. Думала, что он намного старше.

— Петросян для вас конкурирующая ор-
ганизация?

— Да как он может быть конкурирующей ор-
ганизацией? Разве можно считать два театра
конкурирующими, если один ставит оперу, а другой драму? У Петросяна постоянные артисты, у
каждого из них своя роль. Мы делаем совсем
другое.

— Регина, вы же умная женщина...

— А вы думаете, народ у нас глупый? Сло-
во "быдло" я ненавижу. Быдло в равной степе-
ни есть и среди народа, и среди тех, кого вы
сейчас называете интеллигентией. Я, напри-
мер, очень много видела интеллигентных лю-
дей в деревне у Миши Евдокимова. Это или нет.

тьва, который мне сказал еще лет 20 назад: "Если артист захочет, он может по ГУМу ходить, и никто его не узнает". Тогда я подумала, что он кокетничает. Оказалось — все правильно. Все зависит от того, как ты идешь. Многие певцы ходят так — типа, смотрите, я иду. А если вдруг не по-
смотришь, еще заорут на тебя: ты что, не ви-
дишь, что это я? Мы как-то внушили были в маг-
азине, я что-то покупала, и вдруг она, малень-
кая, как закричит: "Да это же сама Регина!" Меня ведь никто тогда так и не узнал.

— Раньше, благодаря советской цензу-
ре, юмор был качественнее, лучшие люди умели зашифровать там сразу несколько смыслов.

— Так вот поэтому сейчас по-настоящему
рассмешить гораздо сложнее. Тогда скажи слово "колбаса", и в зале овации. "Колбаса" же еще разрешали произносить, а дальше люди думали: он сказал "колбаса", а на самом деле... Сейчас хороши комедийные ситуации. А для меня самый ценный юмор тот, который не устаревает. Помните, у Винокура "Здесь играете — здесь не играйте". Или когда тот же Винокур изображает врача-невропатолога. Это было смешно и 20 лет назад, и сейчас.

— Не так уж и смешно. Сейчас на этом
деле можно и миллионером стать. Вот Пет-
росян уже стал.

— Ну, если заработал, так и слава богу. Он же не ворует. Петросян работает столько, что ма-
ло кому приснится. Он человек повернутый на
этой эстраде.

— То есть рубит "капусту" с утра до вече-
ра?

— Это вы какую капусту имеете в виду? Про
этую капусту я ничего не знаю. А про то, что он зупор
эстрады, — это 100%.

— И опять же, знает свой народ.

— Опять иронизируете? За Петросяна — не
берусь отвечать. А вот о себе скажу. Вы знаете,
что такое город Шадринск? Потом город Тира-
поль. Города Кишинев, Кострома, Пятигорск.
Сухуми. Так я жила. При этом отец — про-
фессор древнерусской литературы, и родствен-
ников голубой кровью по его линии и не со счита-
ешь. А по линии мамы — рабочая семья. Дед —
кроватных дел мастер. У нас в Сухуми, где мы жи-
ли, забор был из спинок кроватей. А потом дед
работал на какой-то фабрике гипсовой, там де-
лали вазы. И у нас на заборе появились вазы. В
результате здесь, как в нашей стране, все соеди-
нилось и получилась я.

— Кто вы по первой профессии?

— Первая профессия у меня эта же самая,
надеюсь, что и последняя. Закончила я Пяти-
горский институт иностранных языков. Но из
немецкого — я помню только "хэнде хох". Пост-
упила туда, чтобы родители отстали. Но всегда
знала, что буду только журналистом и никем
другим.

— Ну хоть переводчиком вы поработали?

— Да нет, конечно. Но вы знаете, недав-
но был случай. Я ехала в метро "Маяковская".
Вдруг в вагон вбегает очень старенький, как
мне показалось, дядечка. Лезет обниматься,
причем называет меня Регина Игоревна. Я думаю:
кто это такой? Оказалось, мой ученик. В институте я проходила практику в школе, в
станице Гречеводской под Пятигорском. Преподавала русский язык и литературу. Я была очень строгим преподавателем. Хорошо помню, как мне дали 5-й класс. Шпана та-
кая, что не дай бог. Но уже через пару дней я их та-
кая, что не вышколила!

— Своих артистов вы точно так же стро-
ите?

— А иначе нельзя, все развалится.
— А вы не расстроились, что такой ста-
ренький дядечка оказался вашим учеником?

— Я прежде всего подумала о нем: блин, как
плохо выглядит. А разве я плохо выгляжу? Нормаль-
но! Тем более что я не накрашена.

— У вас еще смех очень красивый.

— В КВН как-то сказали, что вместо гимна
на Советского Союза нужно давать смех Реги-
ны Дубовицкой. Наверное, хотели обидеть, но я
не обижусь. Потому мне не смеяться, когда
смешно?

Александр МЕЛЬМАН.